

N.V. Zubarevich

Lomonosov Moscow State University; Institute for Social Analysis and Forecasting (INSAP),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia

Regions of Russia during a pandemic: Socio-economic dynamics and budget revenues

Abstract. It is difficult to identify the most and the least affected regions in the pandemic crisis, since the dynamics of different indicators did not coincide. Industrial output decline was deeper in oil-extracting regions. Agglomerations of federal cities, recreation regions of the South and the republics of the North Caucasus had the strongest decline in the service sector. The dynamics of labor markets in the regions during the pandemic strongly depended on institutional factors – state support for employed in small businesses and assistance to the unemployed. Small business employment in most regions did not decline. The level of registered unemployment grew faster in the largest agglomerations, and the slowest emerging from the crisis were the underdeveloped republics. After a strong decline in the population incomes in the 2nd quarter of 2020 due to lockdowns, a gradual convergence of regional dynamics began, but without a noticeable improvement. In terms of population income and employment, Moscow is recovering from the crisis much faster thanks to its huge competitive advantages. The dynamics of own revenues of regional budgets during pandemic is associated with the structure of the economy and the importance of profit tax in the budget revenues. The largest losses in 2020 were experienced by the oil-extracting regions due to a sharp reduction in profit tax. Since 2021, the own revenues of the budgets of metallurgical regions grew the fastest due to a threefold increase in this tax. Lockdowns in the first wave of the pandemic turned out to be less significant because the number of regions with a decline in their own revenues in the 2nd quarter of 2020 was 1,5 times less than in 2020.

Keywords: *pandemic crisis, regions of Russia, dynamics of industrial output and services, unemployment rate, money incomes, regional budgets.*

JEL Classification: R12.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10

В.В. Климанов¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва

А.А. Михайлова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва

Бюджетная децентрализация в пандемию и постпандемийных условиях

Аннотация. В 2020 г. многие страны мира, в том числе и Россия, столкнулись с уникальной ситуацией, в которой субфедеральным органам власти вынужденно приходилось брать на себя новые полномочия по борьбе с пандемией и ее последствиями. При этом формально бюджетная, или фискальная, децентрализация, которая может характеризоваться показателями децентрализации доходов, расходов или как налоговая децентрализация, снизилась. Доля межбюджетных трансфертов в доходах региональных бюджетов возросла. До этого в России предпринимались попытки повышения роли регионального уровня в бюджетной системе страны, однако они, как правило, заканчивались неудачно. В статье показано, что разнонаправленные тенденции кри-

¹ Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания РАНХиГС на 2021 г. по теме «Децентрализация в России и странах мира: теория и практика».

зиса 2020 г. определили новое состояние региональных бюджетов и их зависимости от федерального центра. При этом именно трансферты из федерального бюджета стали ведущим фактором устойчивости к шокам региональных бюджетов.

Ключевые слова: *регионы, Россия, децентрализация, бюджетная устойчивость, региональные бюджеты, межбюджетные отношения, межбюджетные трансферты.*

Классификация JEL: H5, H7, H1.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-11

Децентрализация в системе государственного управления, т.е. передача предметов ведения и полномочий на более низкий по иерархии территориальный уровень, предоставление большей автономии региональным (субнациональным) органам управления в проведении экономической политики традиционно является темой исследования в разных странах мира (Faguet, Pöschl, 2015). Вопрос ее осуществления приобрел особую актуальность в условиях кризиса 2020 г., вызванного пандемией коронавируса, в том числе и в России (Klimanov, Kazakova, Mikhaylova, 2020).

Принято выделять несколько видов децентрализации, разделяя ее на административную, политическую и фискальную. Фискальная, или бюджетная, децентрализация, в свою очередь, может характеризоваться показателями децентрализации доходов, расходов или налогов. В странах мира в последнее десятилетие наблюдался рост децентрализации администрирования и управления расходами, при этом децентрализации доходов, т.е. увеличения доли субнациональных органов власти в доходах консолидированного бюджета страны, как правило, не происходило.

В России на протяжении нескольких лет со стороны федеральных органов государственной власти предпринимались неоднократные попытки повысить значимость субфедерального уровня в системе публичной власти, в частности в рамках совершенствования процесса разграничения полномочий. Однако вопрос проведения масштабной децентрализации управления остается нерешенным ни в целом, на идеологически-правовом уровне, ни в части конкретных механизмов его реализации.

В целом децентрализацию можно понимать и как процесс, и как результат. Когда

анализируют процесс фискальной децентрализации, предполагают, например, оценивать направления передачи полномочий, тогда как результат характеризует сложившуюся вертикальную структуру бюджетной системы.

Общепризнанное преимущество децентрализации – наращивание потенциала экономической эффективности общественного сектора экономики. Общие потребности налогоплательщиков, проживающих в одном регионе, обеспечивают эффективность распределения бюджетных средств между всеми территориями, а меньшие издержки на сбор информации об этих потребностях повышают эффективность использования бюджетных средств (Tiebout, 1956; Oates, 2006).

Несмотря на разнообразие работ на тему децентрализации и ее взаимосвязи с различными феноменами и сторонами жизни общества, основной областью исследовательских вопросов остаются институциональные механизмы извлечения социально-экономических выгод из децентрализации, преимущественно с точки зрения создания благоприятных для развития экономики фискальных стимулов органов государственного (и муниципального) управления (Faguet, Pöschl, 2015). Данная область чрезвычайно широка – в нее входят как механизмы вертикального распределения расходных и доходных полномочий, межбюджетных трансфертов и сохранения жестких бюджетных ограничений, так и скрывающиеся за формализованными правилами фискальные стимулы действий субъектов бюджетных отношений. В частности, практическое проведение децентрализации как программы действий обусловлена связанными с ней политическими выгодами для федерального уровня. В соответствии с ними формируется характер распределения полномочий

и степень децентрализации. Неслучайно Х. Мартинес-Васкес и соавторы в своем недавнем обширном обзоре эффектов бюджетной децентрализации (Martinez-Vazquez, Lago-Peñas, Sacchi, 2017) к наиболее перспективной сфере исследований отнесли именно *анализ и разработку институциональных элементов эффективной децентрализации*.

Менее часто в литературе отмечаются другие каналы, по которым децентрализация может транслироваться в более успешное экономическое развитие: межрегиональная конкуренция, реализация общефедеральных проектов развития с учетом региональных особенностей, а также стимулирование роста социального капитала, развития гражданского общества и установления подотчетности власти. Во многом это обусловлено неоднозначным качеством функционирования данных каналов (Faguet, Pöschl, 2015). Так, межрегиональная конкуренция несет риск гонки уступок; реализация проектов в интересах всего общества чревата действиями только в интересах узкой, но электорально сильной, группы избирателей (клиентелизму), а рост социального капитала и вовсе приводит к росту сепаратистских настроений.

И все же сложность вопроса о характере влияния децентрализации на экономическое развитие обусловлена отсутствием какого бы то ни было однозначного ответа, так как его поиск предполагает исследование конкретных институтов децентрализации в соответствующей социально-экономической и политической системе.

К числу иных аргументов в пользу децентрализации можно отнести: развитие демократического процесса (Salmon, 1987; Inman, Rubinfeld, 2000), повышение зависимости органов власти от налогоплательщиков и ответственности перед ними, а также контроль последствий концентрации власти, а также более успешные фискальная и монетарная политики на макроуровне (Shah, 2006). Разделение полномочий и сопутствующий рост доверия налогоплательщиков в *исторической*

ретроспективе давали преимущество в конкуренции между государствами на международном уровне (Weingast, 1990).

При этом *основным недостатком децентрализации* является неизбежность вертикального, а с ним и горизонтального дисбалансов. Более того, разрыв доходов и расходов на разных уровнях управления и необходимость межбюджетных трансфертов можно считать определяющим свойством децентрализованной системы управления. Некоторые исследователи видят в вертикальном дисбалансе суть любой федеративной системы, которая, усложняясь со временем, превращается в *смешанную систему* (Blankart, Klaiber, 2006). Крайние формы децентрализации: полная налоговая автономия на каждом уровне и вертикальное бюджетное администрирование, – если и достижимы в реальной жизни, то недолговечны. Действительно, разрыв между собственными доходами и расходами наблюдается в любой бюджетной системе мира, более того, он не зависит от экономического цикла. Это подтверждает не только анализ международных исторических данных (Aldasoro, Seiferling, 2014), но и текущие аналитические работы (Jia, Liu et al., 2020) и непосредственный анализ эмпирических данных Международного валютного фонда и Организации экономического сотрудничества и развития².

Страны мира демонстрируют разнонаправленные политики в плане централизации или, наоборот, децентрализации расходов и, соответственно, расходных обязательств между уровнями власти (табл. 1). Не существует и единого подхода, который объяснял бы особенности разграничения полномочий между уровнями публичной власти в различных странах. Федерации существенно различаются по параметрам децентрализации расходов, доходов, налогов и вертикальной несбалансированности.

Баланс источников доходных и расходных обязательств на субнациональном уровне чаще всего не соблюдается. В этих случаях большое значение имеют межбюджетные

² www.imf.org; www.oecd.org

Таблица 1

Параметры фискальной децентрализации в отдельных странах мира, по данным МВФ в 2018 г., %

Страна	Доля субнациональных доходов от общего объема доходов бюджетной системы	Доля субнациональных расходов от общего объема расходов бюджетной системы	Вертикальная несбалансированность	Доля налоговых поступлений в субнациональные бюджеты от общего объема налоговых доходов в стране	Отношение межбюджетных трансфертов к собственным субнациональным доходам
Австралия	29	47	41	19	64
Австрия	10	32	67	7	211
Бразилия	31	41	34	41	50
Германия	36	40	5	52	10
Испания	26	44	43	37	79
Канада	55	68	20	55	20
Россия	29	39	18	44	33
США	42	47	27	48	26
Швейцария	50	59	12	53	17

Источник: составлено авторами на основе Government Finance Statistics (IMF) (<https://data.imf.org/?sk=1C28EBF6-62B3-4B0C-AED3-048EEEBB684F>).

трансферты (гранты) из бюджета центрального правительства. Их роль до сих пор неоднозначна в целом (способствуют ли они экономическому росту или нет) и при определении готовности регионов противостоять экономическим шокам, т.е. в целях повышения уровня региональной *устойчивости к шокам, шокоустойчивости, резилентности* (от англ. *resilience* – упругость)) (Klimanov et al., 2020).

В условиях кризиса 2000 г. федеральные (центральные) органы управления во всех странах вынужденно предоставляли регионам больше полномочий. При этом выяснилось, что воспользоваться этими полномочиями в полной мере субнациональные органы власти могли не всегда прежде всего из-за недостатка ресурсов и ограниченных возможностей доведения мер антикризисной поддержки

до нуждающихся³. Это привело к зарождению термина «*вынужденная децентрализация*» (*forced decentralization*).

В России действия федеральных органов власти в условиях кризиса, включая Общенациональный план действий, обеспечивающий восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике, одобренный в сентябре 2020 г.⁴, предусматривали активные меры поддержки субъектов Федерации, однако реальных инструментов децентрализации не создали.

Поэтому утверждать, что в результате пандемии коронавируса сложились условия для развертывания децентрализации, нельзя.

Допандемийная отчетность свидетельствует о высокой централизации бюджетной

³ Например, в США наблюдались многочисленные разногласия между президентом страны и губернаторами штатов (Штоунда, 2021).

⁴ <http://government.ru/news/40464>

системы России. Динамика объемов межбюджетных трансфертов в консолидированные региональные бюджеты в последние десятилетия также демонстрирует устойчивую зависимость регионов от федерального центра (рис. 1). При этом в кризисные годы роль межбюджетных трансфертов существенно возросла. В доходах региональных бюджетов в 2009 и 2020 г. доля трансфертов из федерального бюджета выростала до одной четверти. Кроме того, 2020 г. характеризовался крупнейшим за все годы объемом выданных бюджетных кредитов, которые фактически можно рассматривать как скрытую форму дополнительных межбюджетных трансфертов. В целом бюджетные кредиты выступают фискальным инструментом, они реально закрепляют прежде всего административную и отчасти политическую централизацию. Начиная с 2016 г. они стали основным элементом структуры государственного долга региональных бюджетов, а в 2020 г. их доля в этой структуре превысила долю банковских кредитов почти в два раза⁵.

С точки зрения налоговой децентрализации основным источником доходов консолидированных региональных бюджетов с 2009 г. является налог на доходы физических лиц, формально являющийся федеральным налогом, поскольку все аспекты его регулирования закреплены за федеральным уровнем. Последние три года он составлял около 29% доходов консолидированных региональных бюджетов. Несмотря на кризис и рост безработицы в 2020 г., его поступления увеличились на 7,5% прежде всего за счет роста заработной платы, являющейся базой формирования налога, в секторе государственного управления, в финансах и страховой деятельности, а также в здравоохранении и образовании. При этом прирост поступлений по налогу на доходы физических лиц наблюдался за редкими исключениями практически во всех регионах.

В условиях кризиса при росте межбюджетных трансфертов сокращается доля второго источника налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов — налога на

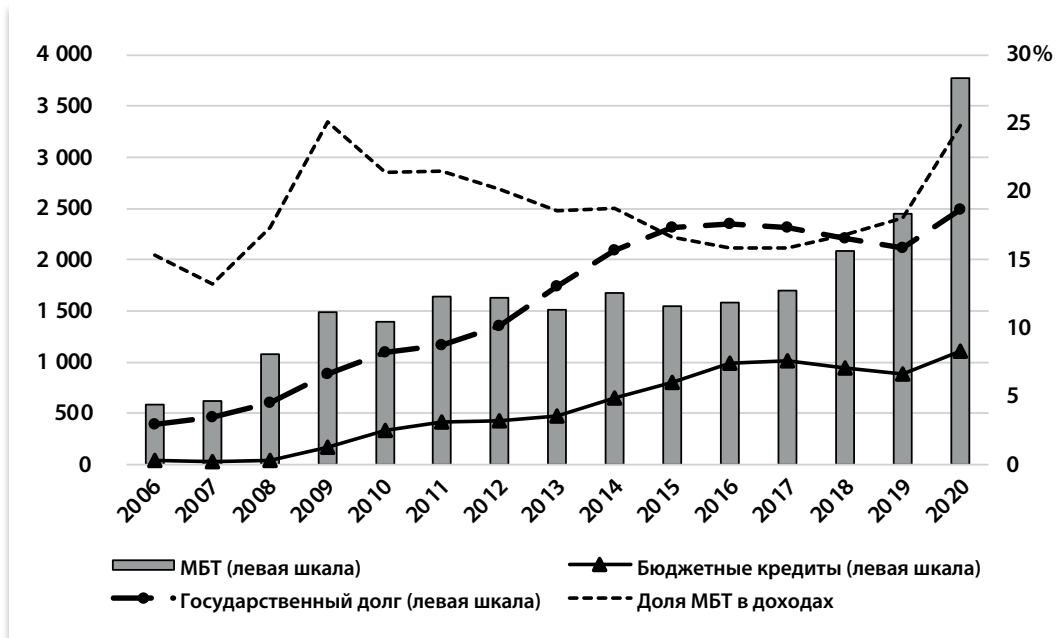

Рис. 1

Межбюджетные трансферты из федерального бюджета и государственный долг регионов России

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

⁵ Рассчитано на основе данных Минфина России (https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/subdbt).

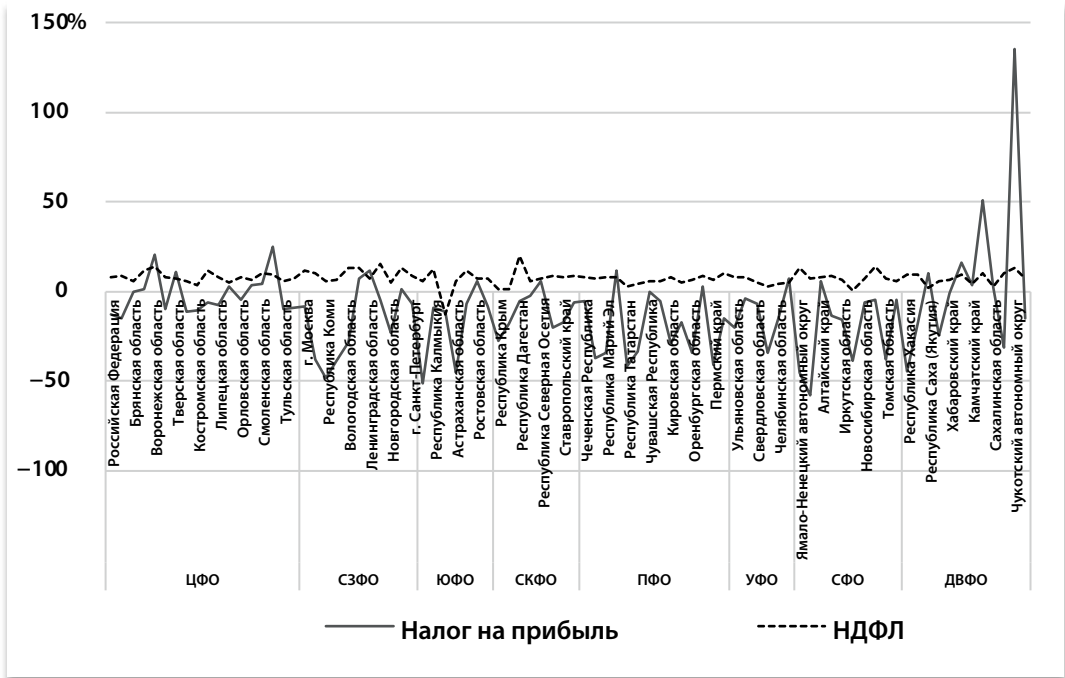

Рис. 2

Динамика налогов на доходы физических лиц и на прибыль организаций в 2020 г. к исполнению 2019 г.

Источник: Рассчитано по данным Федерального казначейства.

прибыль организаций, также формально являющегося федеральным налогом: по итогам 2020 г. почти на 13%, а в отдельных регионах он сокращается более чем наполовину (рис. 2).

Как констатировали различные исследователи (Klimanov, Kazakova, Mikhaylova, 2020; Зубаревич, 2021), именно межбюджетные трансферты из федерального бюджета стали ведущим фактором устойчивости к шокам региональных бюджетов в условиях кризиса 2020 г. При этом доля собственных налоговых и неналоговых доходов в целом снизилась, что формально свидетельствует о снижении уровня фискальной децентрализации в России.

Следует также иметь в виду, что с точки зрения доходов бюджета регионы России остаются крайне дифференцированными. Так, с территории 21 (из 85) региона в федеральный бюджет перечисляется более половины собираемых там налоговых поступлений, в то время как почти половина регионов оставляет

себе более 70% собранных налоговых поступлений на своей территории, поскольку доля налога на добавленную стоимость, налога на добычу отдельных видов полезных ископаемых и других централизуемых налоговых доходов там крайне низкая.

На крупнейшие пять субъектов Российской Федерации (Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Санкт-Петербург и Республика Татарстан) и регионов в 2020 г. приходилось 57,5% всех налоговых поступлений в федеральный бюджет⁶. По налогу на доходы физических лиц на 10 первых регионов приходится 56% поступлений, по налогу на прибыль организаций – 60%. По мнению экспертов, только в «40% регионов совокупные поступления обеспечивают профицит их бюджетов и участие этих регионов в решении общегосударственных задач» (Лавровский, Горюшкина, 2021).

⁶ Рассчитано авторами по данным ФНС России (www.nalog.ru).

Разнонаправленные тенденции кризиса 2020 г. внесли корректировки в общую картину состояния региональных бюджетов и в их зависимость от федерального центра. Так, меньше одной десятой – доля трансфертов в доходах городов Москвы, Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Тюменской и Сахалинской областей. Самыми высокодотационными являются четыре северокавказские республики (Ингушетия, Чечня, Дагестан и Карачаево-Черкесия); регион с наибольшей долей бедного населения – Республика Тыва, а также испытывающие влияние западных санкций Республика Крым и город Севастополь (везде доля трансфертов в структуре доходов выше 70%). В целом перечень высокодотационных регионов России остается относительно стабильным на протяжении более чем двух десятилетий (Юшков, Одинг, Савулькин, 2016; Михайлова, Климанов, Сафина, 2018; Тимушев, 2018).

Таким образом, фискальная децентрализация, понимаемая как позитивный процесс в странах мира, имеет существенные ограничения для дальнейшего развития в России, что связано с высокой региональной дифференциацией и иными факторами. В дальнейшем она во многом будет определяться тем, как долго продлятся кризисные явления, вызванные пандемией коронавируса, а также ходом экономических и политических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Зубаревич Н.В.** (2021). Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // *Региональные исследования*. №1. С. 46–57. [Zubarevich N.V. (2021). Possibility of decentralization during the year of pandemic: What does the analysis of public budgets reveal? *Regional Studies*, 1, 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4 (in Russian).]
- Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А.** (2021). Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 143–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-143-160. [Lavrovsky B.L., Goryushkina E.A. (2021). Fiscal federalism in Russia: To be or not to be? *Voprosy Ekonomiki*, 1, 143–160. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-143-160 (in Russian).]
- Михайлова А., Климанов В., Сафина А.** (2018). Влияние межбюджетных трансфертов на экономический рост и структуру региональной экономики // *Вопросы экономики*. № 1. С. 91–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103. [Mikhailova A., Klimanov V., Safina A. (2018). Influence of inter-budgetary transfers on economic growth and the structure of the regional economy. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 91–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-91-103 (in Russian).]
- Тимушев Е.** (2018). Доходы, гранты и фискальные стимулы: оценка и причины эффектов децентрализации бюджетной системы РФ // *Вопросы экономики*. № 1. С. 71–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-71-90. [Timushev E. (2018). Revenues, grants, and fiscal incentives-evaluation and the causes of decentralization effects in the budgetary system of Russia. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 71–90. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-1-71-90 (in Russian).]
- Штоюнда Е.М.** (2021). Федерализм эпохи глобальной турбулентности (некоторые аспекты взаимодействия различных уровней власти в США в период эпидемии коронавирусной инфекции) // *США и Канада. Экономика, политика и культура*. № 4. С. 54–72. DOI: 10.31857/S268667300014339-2. [Shtoynda E. (2021). Federalism in the era of global turbulence (some aspects of the interaction of various levels of government in the United States during the epidemic of coronavirus infection). *USA and Canada. Economy, Politics and Culture*, 4, 54–72. DOI: 10.31857/S268667300014339-2 (in Russian).]
- Юшков А., Одинг Н., Савулькин Л.** (2016). Роль субвенций в российской системе бюджетного федерализма // *Вопросы экономики*. № 10. С. 49–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-49-

- 64 [Yushkov A., Oding N., Savulkin L. (2016). The role of subventions in Russian fiscal federalism. *Voprosy Ekonomiki*, 10, 49–64. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-10-49-64 (in Russian).]
- Aldasoro I., Seiferling M.** (2014). Vertical fiscal Imbalances and the accumulation of government debt. *IMF Working Papers*, 14/209. DOI: 10.5089/9781484357552.001
- Blankart C.B., Klaiber A.** (2006). Subnational government organisation and public debt crises. *Economic Affairs*, 26 (3), 48–54. DOI: 10.1111/j.1468-0270.2006.00649.x
- Faguet J.-P., Pöschl C.** (eds.) (2015). *Is decentralization good for development? Perspectives from academics and policy makers.* Oxford: Oxford University Press.
- Inman R.P., Rubinfeld D.L.** (2000). Federalism. B. Bouchaert, G. DeGeest (eds.). *The Encyclopedia of Law and Economics.* Cheltenham: Edward Elgar, University of Ghent Publ., 661–691.
- Jia J., Liu Y., Martinez-Vazquez J., Zhang K.** (2020). Vertical fiscal imbalance and local fiscal indiscipline: Empirical evidence from China. *European Journal of Political Economy*, 101992. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101992
- Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A.** (2020). Economic and fiscal resilience of Russia's regions. *Regional Science, Policy and Practice*, 12, 4, 627–640. DOI: 10.1111/rsp3.12282
- Klimanov V., Kazakova S., Mikhaylova A., Safina A.** (2020). Fiscal resilience of Russia's regions in the face of COVID-19. *Journal of Public Budgeting, Accounting & Financial Management*, 33, 1, 87–94. DOI: 10.1108/JPBAFM-07-2020-0123
- Martinez-Vazquez J., Lago-Peñas S., Sacchi A.** (2017). The impact of fiscal decentralization: A survey. *Journal of Economic Surveys*, 31, 4, 1095–1129. DOI: 10.1111/joes.12182
- Oates W.E.** (2006). On the theory and practice of fiscal decentralization. *IFIR Working Paper*, 2006-05.
- Salmon P.** (1987). Decentralisation as an incentive scheme. *Oxford Review of Economic Policy*, 3, 2, 24–43.
- Shah A.** (2006). Fiscal decentralization and macroeconomic management. *International Tax and Public Finance*, 13, 4, August, 437–462.
- Tiebout C.M.** (1956). A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*, 64, 5, 416–424.
- Weingast B.** (1990). The role of credible commitments in state finance: Review article. *Public Choice*, 66, 1, 89–97.

Поступила в редакцию 21.08.2021

Received 21.08.2021

V.V. Klimanov²

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

A.A. Mikhaylova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Fiscal decentralization in pandemic and post-pandemic times

Abstract. In 2020, many countries, including Russia, faced a unique situation in which subnational authorities were forced to take on new powers to combat the pandemic and its consequences. At the same time, fiscal decentralization, which can be characterized by indicators of decentralization of income, expenditures or as tax decentralization, has decreased. The share of intergovernmental

²The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program in 2021 on the theme "Decentralization in Russia and the countries around the world: theory and practice".

transfers in the revenues of regional budgets has increased. Before that, attempts to increase the role of the regional level in the country's budget system were made in Russia, but they usually ended in failure. The article shows that the multidirectional trends of the 2020 crisis determined the new state of regional budgets and their dependence on the federal center. At the same time, it is transfers from the federal budget that have become the leading factor in resilience to shocks in regional budgets.

Keywords: *regions, Russia, decentralization, fiscal resilience, regional budgets, intergovernmental fiscal relations, intergovernmental transfers.*

JEL Classification: H5, H7, H1.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-11

О.В. Кузнецова

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва

Журнал НЭА,
№3 (51), 2021,
с. 226–232

Пространственное развитие в постковидный период: новые вызовы или старые проблемы

Аннотация. В статье показано, что вызванный пандемией COVID-19 кризис не привел к появлению принципиально новых закономерностей пространственного развития, но обострил его старые проблемы. Так, значимость крупнейших городов в экономике страны отнюдь не сократилась, напротив, проявились традиционные их преимущества, связанные в том числе с повышенным уровнем образования жителей. Но вместе с тем обострилась и важнейшая проблема крупнейших городов, которую нельзя игнорировать, — сильное социальное расслоение граждан. Развитие удаленной занятости, масштабы которой будут очевидно выше докризисных, может привести к изменениям в системе расселения в пределах городских агломераций, но не за их пределами. Это связано с потенциальным доминированием не полностью удаленной, а комбинированной занятости, необходимой для обеспечения передачи неявного знания. Но и в пределах городских агломераций возможные масштабы смены постоянного места жительства в силу ряда факторов (климата, особенностей жилого фонда, обеспеченности инфраструктурными объектами) сильно ограничены, поэтому наибольшее значение будет иметь увеличение продолжительности пребывания на дачах. Это еще больше обострит существующий комплекс проблем, связанных с крайне слабым учетом фактической жизни людей на два дома в деятельности властей.

Ключевые слова: *крупнейшие города, городские агломерации, сельская местность, удаленная занятость, пандемия COVID-19.*

Классификация JEL: R120, R580.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-12

Введение

Пандемия COVID-19 и вводимые ради борьбы с ней ограничительные меры стали совершенно необычной для последних десятилетий причиной экономического кризиса. Нетипичными оказались и лежащие на поверхности пространственные проявления этого кризиса: на региональном уровне — сильный удар по территориям, специализирующимся на наиболее пострадавших именно в текущий кризис видах деятельности (международном туризме, индустрии развлечений,

приграничных связях), на локальном уровне — въезд части населения из городов в сельскую местность на периоды локдаунов и обязательной удаленной занятости, и по этим же причинам — перераспределение активности между офисными и спальными районами городов. Эти проявления, хотя и в разной степени, свойственны всем странам мира, столкнувшимся с пандемией.

В результате стали появляться предположения, что закономерности простран-